

Квазиденежные суррогаты в экономике Беларуси и криптовалюта

Владимир УСОСКИЙ

Минский государственный лингвистический университет, профессор кафедры экономических наук, доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь, г. Минск, e-mail: usosky@tut.by

УДК 336.7

Ключевые слова:

квазиденежные суррогаты; криптовалюта; кредитные деньги; банковская система; бюджетно-финансовая система государства; финансовые инструменты, производные от денег.

криптовалют доходит до полутора тысяч штук. По своей сущности они являются антиподом денежных единиц измерения ценности товаров и услуг, поэтому, будучи цифровыми товарами, считаются в штуках в соответствии с их натуральным естеством. Предназначены криптовалюты для выполнения функции низколиквидного средства бартерного обмена, обслуживая интересы анонимных субъектов нелегитимного рынка, которые не доверяют друг другу, тщательно скрывают свою персональную идентичность, а потому не желают платить налоги. Криптовалюты диаметрально противоположны кредитным деньгам банковской системы, которые обладают свойствами универсальной совершенной ликвидности, выполняя пять своих функций.

Криптовалюта, став очень популярной в последние годы, создана специалистами сферы IT-технологий. Они исповедуют идеологию анархо-либертарианства, принципиально не приемля государство как субъект, обладающий правами исключительного суверенитета на создание и использование двух общесистемных общественных благ. Государство обладает монопольными правами на эмиссию кредитных денег, а также на сбор и расходование налогов для удовлетворения общественных нужд. Это создает систему монетарно-фискального траста государства для регулирования рисков функционирования рыночной экономики. В мировоззрении анархо-либертарианства не вписывается ни полирезервная банковская система коммерческих

банков, ни двухуровневая банковская система. Причина состоит в том, что эти банковские системы эмитируют деньги как безусловные финансовые обязательства и требования. Из природы кредитных денег вытекает жесткая система ответственности субъекта эмиссии, которую майнер, производящий криптовалюту как «необязательство», принципиально не приемлет. Анархо-либертарианцам чужда природа кредитных денег, эмитируемых банковской системой. Криптовалюта отрицает денежно-кредитное посредничество банков даже в такой либеральной форме, как одноуровневая полирезервная банковская система, банки которой эмитируют частные деньги, неся имущественную ответственность за ее качество. Подчеркнем, что функции, которые выполняют субъекты финансового посредничества в экономике, и содержание их деятельности, заключающееся в эмиссии безусловных банковских обязательств и требований, нерасторжимы. Именно по этому тождеству, создающему сбалансированность прав и обязанностей в деятельности субъекта финансового посредничества, наносится основной удар криптоэнтузиастами. Их цели состоят в разрыве баланса прав и обязанностей, что ведет к принципиальному исключению самого механизма действия безусловных финансовых обязательств и требований, который укоренен в природе кредитного рынка. Совокупность безусловности обязательств и требований банков абсолютно чужда природе деятельности майнера, производящего криптовалюту не

Криптовалюта – это цифровой товар с ограниченной ликвидностью и широким диапазоном волатильности. Криптовалюта не выполняет первую функцию денег – меру измерения ценности товара и услуги. Являясь цифровым товаром, она находится в пассивной позиции измеряемого объекта в обменном отношении (Т-Д). По этой причине криптовалюта не может выполнять ни одну из других четырех функций денег – средства обращения, средства сбережения, средства отсроченного платежа и международных денег. Деньги – это активный инструмент измерения ценности любого объекта на рынке, в том числе и криптовалюта. Денежные единицы измерения ценности – это рубли и копейки, доллары и центы и т. д. Число

как кредитные деньги, а как цифровой товар. Антигосударственная позиция анархо-либертарианства ведет к системной деструкции общества, возвращая его к первозданному хаосу бартерного обмена. На государство оказывается сильное пропагандистское давление с требованием легализации криптовалют в том виде, в котором они порождены майнерами, не несущими никакой ответственности за производство цифровых товаров (необязательств).

В связи со сказанным анализ опыта 1992–2005 гг. приобретает большую актуальность. В то время переходные к рынку экономики Беларуси и России функционировали в условиях перманентного кризиса неплатежей, а неэффективные государственные предприятия были погружены в стихию бартерных и зачетных отношений. Государство проводило патерналистскую политику, стимулируя реализацию интересов неплатежеспособных огосударственных предприятий (государственные и колхозно-кооперативные), которые использовали квазиденежные суррогаты (квази – как бы деньги, имитация денег). С их помощью пытались заменить деньги в расчетах и «развязать» неплатежи. Вся мощь государственных институтов была брошена на реализацию этой сомнительной цели, однако не привела к достижению каких-либо продуктивных результатов. Находясь вне контекста традиции экономической теории и накопленного людьми хозяйственного опыта, не зная истории экономики, криптоэнтузиасты, создав криптовалюты, пытаются бороться с кредитными деньгами банковской системы и налогами под лозунгом борьбы с посредниками и государством. В этом они сходятся с марксистами, которые также считают ненужными паразитами в экономике субъектов товарного и финансового посредничества. Марксисты пребывают в плену своей утопии, что при коммунизме государство исчезнет. Криптоэнтузиасты не приемлют государство на генном уровне здесь и сейчас. Объективно и те и другие идут по тупиковому пути, который погружает денежно-кредитную экономику в болото бартерного обмена.

Криптоэнтузиасты стремятся достичь еще более нереалистичной

цели, чем та, которую пытались реализовать сторонники квазиденежных суррогатов, мобилизовавшие все силы государства на борьбу с неплатежами огосударственных предприятий. Криптоэнтузиасты и творцы квазиденежных суррогатов объединяет единая антиденежная сущность, которая вытекает из их утопической модели бартерной экономики. Вместе с тем между ними есть одно существенное отличие. Криптоэнтузиасты на генном уровне исключают государство из своей модели экономики. Они считают, что экспоненциальный рост новых цифровых технологий «уберет» государство из структуры их новой экономики, построенной исключительно на прямых сетевых связях между производителями и потребителями, которые уничтожат как посредников, так и государство. Однако у этой механистической техногенной утопии нет никаких перспектив для своей реализации.

Причины возникновения квазиденежных суррогатов (1992–2005)

Широкий спектр квазиденежных суррогатов был неотъемлемым атрибутом транзитивной экономики Беларуси в 1992–2005 гг. На рынке с неразвитыми конкурентными механизмами покупатель не может оказывать эффективного воздействия на поведение производителей, теряющих платежеспособность, которые не подлежат процедурам санации и не становятся банкротами. В этих условиях государство смирилось с функционированием квазиденежных (имитационно денежных) отношений в экономике, где использовались зачетные сделки, с помощью которых при отсутствии денег у дебиторов постфактум пытались «развязать» накопленные просроченные долги огосударственных предприятий. Подобная практика способствовала укоренению денежного порядка проведения операций в экономике Беларуси относительно рыночного порядка использования денег субъектами в конкурентной рыночной экономике. Мягкие бюджетные ограничения огосударственных предприятий определяют их

поведение на квазирынке, где кредитные деньги вытесняются квазиденежными суррогатами. Их анализ необходим для объективного раскрытия механизмов функционирования *продукто-товарных отношений транзитивной экономики*, в которой не развиты денежные отношения. Продукто-товарные отношения квазирыночной экономики диаметрально противоположны товарно-денежным и денежно-кредитным отношениям конкурентной рыночной экономики.

Система мягких бюджетных ограничений является причиной слабой финансовой дисциплины огосударственных банков и предприятий переходной к рынку экономики, что ведет к тому, что их балансы отличаются низким качеством активов. Двухуровневая банковская система знает только «язык» кредитных денег, поэтому она заставляет субъектов платить по своим обязательствам только деньгами, вынуждая дебиторов к безусловному исполнению долгов. Коммерческие банки не знают «языка» продукто-товарных отношений, к которым адаптивны огосударственные предприятия, нарушающие финансовую дисциплину. Однако Правительство, поддерживая действие системы мягких бюджетных ограничений в огосударственном секторе экономики, стремилось «сидеть сразу на двух стульях», допуская хронический рост неплатежей. Этот процесс отражает двойственную природу транзитивной экономики Беларуси. Квазирыночные условия функционирования субъектов огосударственного сектора препятствуют развитию рынка долгов и установлению адекватных цен на активы. Снижение размеров просроченных банковских кредитов неплатежеспособных заемщиков в этих условиях невозможно. Некачественные активы отягощают балансы банков, не позволяя эффективно бороться с неплатежами. Находясь вне системы жесткого рыночного принуждения к исполнению своих обязательств, огосударственные предприятия не заинтересованы в продаже на рынке высокорисковых активов низкого качества за деньги по цене с большим дисконтом, отражающим уровень рисков. Поэтому неплатежеспособ-

ные дебиторы не могут высвободить деньги из «плохих» активов для оплаты своих обязательств.

Действие системы мягких бюджетных ограничений объективно вынуждает государство использовать эмиссию резервных денег Национального банка для покрытия безвозвратных потерь огосударственных предприятий. Мягкая монетарная политика поддерживает ликвидность системообразующих банков Беларуси для того, чтобы компенсировать ухудшение качества их активов. Национальный банк, выдавая льготные целевые кредиты системообразующим банкам для их дальнейшей «переброски» огосударственным предприятиям, создает канал неэффективной эмиссии кредитных денег в экономику. Со своей стороны, Правительство также использует перераспределительный механизм, поддерживая огосударственные предприятия по бюджетно-финансовым, ценовым и ресурсным каналам.

Системообразующие банки, выдавая льготные целевые кредиты огосударственным предприятиям, способствуют наращиванию ссудной задолженности низкого качества. В экономике Беларуси сложилась устойчивая тенденция к росту непоплаченных долгов. Это свидетельствует как о низкой дисциплине этих предприятий, так и о производстве ими недостаточной величины добавленной ценности для компенсации убытков. Чем мягче бюджетные ограничения, тем ниже качество активов огосударственных банков и предприятий, тем более высокими являются темпы эмиссии денег Национального банка и перераспределение Правительством преференциальных средств в их пользу. Это стимулирует рост необеспеченного спроса на деньги у преференциальных субъектов экономики, что происходит параллельно ухудшению ликвидности предприятий и качества их задолженности перед поставщиками продукции по коммерческим кредитам и банкам по ссудам. Значительными остаются взаимные неплатежи по обязательствам субъектов экономики друг другу.

Коммерческие банки, являясь институтами финансового посредничества, имеют большие возможности, чем фирмы, выда-

ющие коммерческие (товарные) кредиты, контролировать поведение своих дебиторов, так как они обладают более эффективными механизмами воздействия на должников. Однако банковские механизмы воздействия на неплатежеспособные предприятия не запускаются в действие. Слабость рыночных институтов проявляется еще и в том, что хозяйственные суды не могут принудить предприятия к бесперебойному исполнению своих контрактных обязательств. Хронический недостаток денежных средств у неплатежеспособных дебиторов по причине недостатка чистого сальдо средств на их расчетных счетах свидетельствует об их низкой ликвидности. В этих условиях государство было вынуждено для поддержания производственной деятельности огосударственных предприятий согласиться на замещение денег различными квазиденежными суррогатами. Сущность квазиденежных суррогатов диаметрально противоположна сущности кредитных денег. Мягкие бюджетные ограничения субъектов инициируют формирование у них деструктивных интересов к выпуску квазиденежных суррогатов. Неэффективная деятельность предприятий ведет к недостатку собственных оборотных средств, поэтому посредством квазиденежных суррогатов неплатежеспособные дебиторы пытаются «развязать» растущие неплатежи.

Квазиденежные суррогаты как способ «развязывания» неплатежей

Одной из ключевых проблем экономики Беларуси, где выросли и стали активно использоваться квазиденежные суррогаты, стали «неразвязываемые» просроченные неплатежи. На конец 1999 г. размер дебиторской задолженности составлял 33,8% ВВП (977,9 млрд. руб.), величина просроченной дебиторской задолженности – 14,5% ВВП (419,2 млрд. руб.). Кредиторская задолженность достигла 50,3% ВВП (1 453,7 млрд. руб.), в то время как просроченная кредиторская задолженность – 19,2% ВВП (555,1 млрд. руб.) [1, с. 84]. Неплатежи стали одной из причин низкого уровня монетизации

экономики Беларуси. В 1997–1998 гг. коэффициент монетизации по рублевой денежной массе (РДМ) составлял 8–9% [2, с. 27].

Неплатежи между субъектами не позволяют поддерживать стабильность контрактных отношений в хозяйственном обороте. Кроме того, определенная доля оборотных средств неплатежеспособных предприятий формируется за счет неоплачиваемой дебиторской задолженности. Это срывает работу по взаимосвязанной цепи должников, которые не могут погашать обязательства перед кредиторами. По своей природе дебиторская задолженность не может быть использована должниками для расчетов по обязательствам с кредиторами. Дебиторской задолженностью на рынке можно торговать, дисконтируя номинальные цены долгов, но долги не выполняют функции денег. Заодно предприятия не платят налоги в госбюджет, уклоняясь от выполнения своих налоговых обязательств, а также задерживают их уплату. Долги «оттягивают» балансы предприятий. Мягкие бюджетные ограничения предприятий способствуют неисполнению обязательств также перед работниками предприятий. Объективно происходит укрепление положения неплатежеспособных предприятий, которые ведут переговоры с Правительством с позиций силы о решении своих проблем. С этим положением вещей государство вынуждено считаться.

За фасадом неплатежей может скрываться перевод средств на счета аффилированных компаний инсайдеров, т. е. банальное воровство. Неплатежи позволяют также удерживаться «на плаву» огосударственным предприятиям, в ряде случаев не используя в целях их покрытия денежной эмиссии Национального банка. В то же время частные фирмы, работая в условиях жестких бюджетных ограничений, в случае устойчивой неплатежеспособности подпадают под процедуры санации и банкротства. Подобная форма перераспределения доходов и убытков в трансформационной экономике позволяет действовать системе квазирыночных отношений, в которой неплатежеспособные предприятия неплохо себя

чувствуют. Они постоянно увеличивают цены, по которым большинство дебиторов не намерено платить. Тем самым неплатежи в условиях мягких бюджетных ограничений воздействуют на формирование растущего уровня цен, чего не наблюдается в конкурентной рыночной экономике, где действует система жестких бюджетных ограничений.

Взаимный зачет долгов

Перманентная самогенерация системы неплатежей «вгоняет» экономику в аномальное состояние, которое характеризуется радикальным нарушением ритмичности и бесперебойности хода воспроизводства ВВП. Неконкурентный рынок порождает диспропорциональность, которая складывается при обмене финансовыми, товарными и трудовыми ресурсами между частным и государственным секторами экономики. При накоплении значительной взаимной задолженности Правительство периодически применяло практику *взаимного зачета* долгов между предприятиями.

С помощью *зачетных отношений* дебитор закрывает долг перед кредитором постфактум, что приводит к превращению безусловных денежных обязательств в условно-счетные неденежные обязательства. *Бартерные отношения* – это прямой продуктообмен, где не возникают долговые отношения, нет денег, а потому отсутствуют срочные безусловные обязательства дебиторов. Однако при этом существенном отличии зачетные и бартерные отношения имеют общий безденежный продукто-товарный корень, возвращающий квазирыночную экономику, которая отрицает кредитные деньги. Для зачета цепочек взаимной просроченной задолженности используются квазиденежные инструменты (например, зачетный вексель), посредством которых дебиторы «развязывают» задолженность перед кредиторами неденежным способом. В ряде случаев зачет за уже потребленный и не оплаченный покупателем товар может «закрываться» с помощью поставки натуральной продукции. Здесь не исполненный по вине покупателя товара контракт вынужденно

превращается в срочную сделку по его коммерческому кредитованию, которая завершается зачетной поставкой натуральной продукции. В зачетных отношениях денежный рынок не нужен и постфактум, к тому же уровень зачетных цен, как правило, выше уровня рыночных цен. Тяжба между субъектами идет по контрактным ценам, согласовываются номенклатура и ассортимент натуральной продукции, «выставляемой» под зачет ранее поставленной продукции. Зачет обязательств вынужденного дебитора «натурой» осуществляется по зачетным ценам, которые являются условно-счетными по своей природе. Деньги не выполняют функции по экономическому принуждению субъекта к эффективному поведению на рынке. Оценка платежеспособности должника с помощью денег теряет свою дисциплинирующую функцию на товарно-денежном рынке. Это усиливает демонетизацию экономики и способствует вытеснению денег из посреднического оборота.

Взаимозачет долгов предприятий, когда не прибегают к поставке дебитором натуральной продукции для погашения долга, является способом безденежного погашения ранее накопленной задолженности. Сначала совершается операция между двумя сторонами, и только потом, после возникновения не погашенной в срок задолженности, дебитор под давлением кредитора начинает договариваться с ним о том, каким образом «закрыть» свой долг. Часто при наличии встречных задолженностей между многими предприятиями происходит зачет обязательств и требований дебитора и кредитора через третьи лица. Это более сложная сеть долговых отношений, когда используются все цепочки взаимосвязанных лиц, являющихся кредиторами и дебиторами первых двух субъектов. Однако зачет «переворачивает» естественную логику экономических отношений, существующих в условиях конкурентного товарно-денежного и кредитного рынков. Сначала совершается квазитрансакция, когда один субъект, получая товар, не платит за него деньги, становясь односторонним выго-

доприобретателем. После этого должник «задним числом» думает, как «закрыть» долг, договариваясь об условиях реализации договора, который превратился в принудительный товарный кредит. Это уже не одна, а по существу две сделки, что отражает глубокую деформацию рыночных отношений. Возникает квазирынок, где действует новая система координат, в которой статус договора как юридической формы реализации экономических отношений, закрепляющей естественный ход рыночной трансакции и предусматривающей жесткие санкции за его невыполнение с помощью судебной власти, теряет свою действенность. К тому же подрываются основы рыночных традиций, требующих выполнения честного купеческого слова.

Зачеты ставят товарно-денежные отношения с ног на голову, способствуя демонетизации экономических отношений, превращению их в продукто-товарные отношения. Зачетная сделка в итоге совершается «не мытьем, так катаньем» в пользу дебитора. Например, концерны «Белэнерго» и «Белресурсы», поставившие продукцию производителей в зачет за потребленную литовскую энергию, выставляли литовцам требования по крайне завышенным ценам. Зачетные нерыночные цены на белорусскую продукцию различались в 2–7 раз [3, с. 22]. Если же зачетные цены дисконтируются до уровня рыночных цен, то вместо зачетных цен появляются рыночные цены и в отношении вступают деньги, которые теснят зачетные отношения. Это ведет к росту товарно-денежного оборота, где используются исключительно деньги. Исходя из сущности неплатежа, допущение государством проведения неплатежеспособными предприятиями зачетов просроченных долгов является способом пассивно-учетного примирения с действительностью. Однако это не может стать активным инструментом конструктивного изменения и рациональной трансформации квазирыночной экономики в конкурентное рыночное состояние. Взаимозачеты не могут разрешить проблему неплатежей по существу. Они только временно ослабляют тяжесть

роста просроченных долгов, от которых страдают как дебиторы, так и кредиторы. Если экономика получает сигнал о том, что государство намерено провести зачет, то резко возрастает объем взаимных требований предприятий друг к другу. Проведение зачетных операций провоцирует нарастание новой задолженности вместо только что «развязанной». Взаимозачеты временно снимают нагрузку с обострившихся противоречий между интересами должников и кредиторов.

Сущность зачетных и бартерных отношений натуральной экономики

Несмотря на крайнюю примитивность, бартер по способу своего проведения ближе к рыночным отношениям, чем зачет, так как бартер – это прямой продуктообмен без образования срочной задолженности. Бартер – это разновидность продукто-товарных отношений. Бартерная трансакция означает, что предварительно оговоренные субъектами условия совершения сделки сразу же выполняются по факту ее совершения. Поэтому здесь не возникает дебиторской задолженности, а также отсутствуют «зависшие» обязательства и требования субъектов бартерных отношений. После заключения соглашения встречные товарные потоки контрагентов происходят на условиях договоренности об условно-счетных бартерных ценах, ассортименте продукции, ее количестве, качестве и других параметрах поставки. Зачетные отношения как неденежный способ закрытия срочного долга построены на условно-счетных ценах, которые выше уровня рыночных цен. «Развязывание» неплатежей между предприятиями, а значит срочных долгов, происходит примитивным способом. Неэффективность маркетинговых служб производителей зачастую стимулировала их высокие потери при осуществлении зачетных и бартерных операций. Со сложившимся порядком отношений производители мирились, так как из-за слабости своих маркетинговых служб у них не было на рынке лучших альтернатив продажи продукции

за деньги. Это было следствием сложившегося состояния вещей и реальных возможностей производителей продукции как «производственного узла» экономики, а не бизнес-структуры конкурентного рынка. Низкая финансовая дисциплина огосударствленных предприятий в сфере оплаты просроченных долгов, неадаптивных к среде жестких бюджетных ограничений, создает неэффективный порядок «развязывания» неплатежей.

Расширение сферы обмена натуральными продуктами стало в массовом порядке вытеснять деньги и деформировать рыночные товарно-денежные отношения, превращавшиеся в продукто-товарные, которые воспроизводили условия уникальности товарообменных сделок. Сингулярность товара вытесняла универсальность денег. Специфика бартера состоит в том, что потребности субъектов в натуральных продуктах чрезвычайно трудно удовлетворить. Чтобы стать обменивающимися сторонами, у них должны совпасть встречные потребности в наборе конкретных натуральных продуктов. В бартерном обмене в отличие от товарно-денежного обмена спрос участников сделок на товары перестает быть исключительно денежной характеристикой, а предложение сугубо товарным феноменом. В бартерном обмене нет обособившихся и специализированных субъектов товарно-денежных отношений: продавца товара (покупателя денег) и покупателя товара (продавца денег). Возникает противоречие между потребностями субъектов бартерных сделок и объективными возможностями удовлетворения их изменяющихся потребностей. Задача сложна для выполнения. Слабые механизмы конкуренции производителей – главная причина забываемости системы мягких бюджетных ограничений, которые ведут к расширению зоны зачетных и бартерных отношений. Как следствие, не развиты рыночная инфраструктура и система финансовых посредников, которые не способны с помощью кредитных денег взломать квазирыночные отношения и обеспечить массовое воспроиз-

водство контрактных денежных отношений на товарно-денежном рынке. При устойчивом дефиците средств на расчетных счетах у неплатежеспособных предприятий квазирынок не может обеспечить бесперебойное движение товарных и денежных потоков между субъектами.

Зачетные и бартерные сделки характеризуются высоким уровнем *транзакционных издержек*. Сделки, как правило, случайны, хаотичны, одномоментны, что придает примитивному натурализованному рынку крайнюю неустойчивость и сиюминутность. Соответственно, цены на товары при обмене их на деньги, а также в зачетном и бартерном обменах отличаются как по принципу формирования, так и по уровню. Исчезает денежный доход как явление экономики. Зачетный и бартерный рынки совершенно непрозрачны для контрагентов, а также для государства. В контракте зачетная и бартерная сделки учитываются по цене в рублях и инвентюре. Если по каким-то причинам в зачетных и бартерных отношениях появляются деньги, то цены будут дисконтироваться. Помимо закрытия долга «натурой» или зачетом происходит параллельная сделка с частичной оплатой наличными вне ее учета в официальном балансе предприятия. Поэтому «статистическое уравнивание» товарных цен по сделкам, проводимым по противоположным схемам Т-Т и Т-Д, некорректно. На зачетный и бартерный рынки сильно влияет изменение ценовых пропорций на товарных и финансовых рынках, где в сделках используются деньги. В зачетных и бартерных сделках учитывается изменение курса доллара, который в случае сильного рыночного шока «роняет» валютный курс через рост дисконта по зачетным и бартерным ценам. Высокий уровень инфляции и девальвации рубля часто приводил к разрыву хозяйственных связей. В первую очередь ломаются зачетные и бартерные пропорции ввиду их чрезвычайной хрупкости.

Зачетные и бартерные отношения отличаются случайными и меняющимися пропорциями обмена. Зачетный и бартерный

рынки рассечены на множество сегментов, где используется дифференцированное множество локальных товарных эквивалентов. Преобладает единичная, простая и случайная форма стоимости, что делает бартерный рынок крайне неустойчивым. В ряде случаев субъекты квазирынка используют полную и развернутую форму стоимости и даже всеобщую форму стоимости (драгоценные металлы как товары). Однако все три формы стоимости представлены локальными товарными эквивалентами, предназначенными для совершения продукто-товарного обмена, которые не в состоянии выполнять функции денег на конкурентном рынке, так как не обладают свойствами универсальной ликвидности денег. В натурализованной экономике ресурсы не продаются и не покупаются, они обмениваются как физические единицы натуральных продуктов.

Природа задолженности в рыночной экономике

Природа задолженности в транзитивной экономике Беларуси диаметрально противоположна формально сходному с ней аналогичному по названию явлению в конкурентной рыночной экономике. Неправомерно отождествлять неплатежи, переходящие в принудительную форму товарного кредита в экономике с мягкими бюджетными ограничениями, с коммерческим кредитом фирм в конкурентной рыночной экономике, которые действуют в условиях жестких бюджетных ограничений. Высокий уровень задолженности на конкурентном рынке отражает значительный уровень доверия фирм друг к другу. Взаимное коммерческое кредитование фирм на товарном рынке обусловлено действием жесткой финансовой дисциплины субъектов, чему способствует «санитарная» роль банков. Банки создают кредитные деньги, кредитуют фирмы под учет товарных векселей (безусловные долговые обязательства клиентов). Вексель как безусловное письменное денежное обязательство строго установленной формы являлся условием поддержания системы жестких бюджет-

ных ограничений. «Коммерческий кредит занимает важное место в обслуживании товарного оборота. Например, во Франции на конец 1987 г. объем всех предоставленных коммерческих кредитов составил 3 573 млрд. франков, в то время как объем денежного агрегата М1 составлял 1 467 млрд. франков. Таким образом, объем коммерческого кредита в 2,5 раза превысил денежный агрегат М1 и составил величину такого же порядка, как агрегат М3 (3 604 млрд. франков по состоянию на ту же дату)» [4, с. 57].

Нововведения эры IT-технологий, произошедшие за последние 40 лет, привели к тому, что банки стали реже осуществлять учет товарных векселей фирм. В рыночной экономике возникли новые формы безусловных долговых обязательств дебиторов в сфере коммерческого кредитования и банковских заемщиков. Однако от модификации формы безусловные долговые обязательства не перестали быть таковыми. Принцип жесткого контроля банками и товарными фирмами задолженности своих дебиторов неизменен. Технически видоизмененный порядок отношений «банк – клиент», в основе которых лежат безусловные обязательства заемщиков и безусловные требования банков к ним, определяет эффективность функционирования сферы товарно-денежного и кредитного оборота. Банки обладают надежными инструментами контроля над хозяйственной деятельностью должников.

Природа задолженности в квазирыночной экономике

Поведение предприятий в условиях институциональной среды транзитивной экономики Беларуси не является рациональным с точки зрения механизмов конкурентного рынка. Однако оно является оптимальным исходя из принципов поведения субъектов квазирыночной экономики. В структуре целей микроэкономики фирмы транзитивной экономики отсутствуют механизмы подавления роста издержек и стимулы к росту прибыли. Реструктуризация и приватизация предприятий, перевод их на систему жестких бюджетных ограничений явля-

ются инструментами «развязывания» нарастающих взаимных долгов предприятий. Без проведения реформы микроэкономики предприятия и создания рационального порядка экономических отношений оптимальное решение проблемы долгов и неплатежей невозможно. Реформа предприятий включает как один из ключевых элементов реструктуризацию их задолженности перед контрагентами, создание рынка долгов и ключевую роль финансовых посредников, работающих с долгами. Эти факторы являются необходимым условием создания конкурентного механизма *рыночной оценки предприятий*.

Генетические основы квазирыночной экономики Беларуси ведут к закономерному итогу. Происходит поддержание сферы функционирования натуральной экономики, воспроизводятся неэффективные неденежные формы реализации натуральной продукции. Институты, регулирующие процессы натурализации экономики, адекватны *простым формам персонализированного обмена*, которым присущ низкий уровень развития договорных отношений и случайность бартерных сделок. *Неперсонализированные контрактные отношения* построены на универсальном праве и отличаются от персонализированных связей исключительно денежным порядком реализации товаров. В рыночной системе координат функционирует развитая сеть коммуникаций, правил и норм, которая на рыночных условиях регулирует поведенческие отношения людей. Институты персонализированного зачетного и бартерного обменов обслуживают деятельность предприятий государственного сектора экономики Беларуси, поддерживая его неэффективность. Контракт, заключаемый в условиях персонализированного обмена, отражает эксклюзивные, нестандартные условия единичных форм обмена. Здесь доминирует единичная, простая и случайная форма стоимости, что делает зачетный и бартерный рынки неустойчивыми. Риск неисполнения сделки здесь очень высок, так как условия ее заключения, сопровождения и реализации уникальны и постоянно изменяются.

Товарный вексель рынка против зачетного квазиденежного суррогата

Криптовалюта – это электронный объект, являющийся цифровым товаром, который при определенных обстоятельствах может быть использован как *мимолетное сингулярное средство текущего обмена на другой товар*. Криптовалюта обладает мнимым сходством с деньгами и финансовыми инструментами, производными от денег (облигации, векселя, депозитные сертификаты). Криптоэнтузиасты стремятся ликвидировать очень далекий от криптовалюты мир кредитных денег банковской системы. Она даже отдаленно не обладает содержательными характеристиками кредитных денег, не имея потенциалов для выполнения их функций. Криптовалюта, являясь сингулярным текущим средством обмена, близка к квазиденежным суррогатам. Энтузиасты цифрового товара стремятся создать хорошие и честные деньги, заменив плохие и нечестные кредитные деньги банковской системы. Такова странная амбивалентность цели, которая не укладывается в логику здравого смысла.

Квазиденежные суррогаты имитируют содержание денег и финансовых инструментов, производных от денег. Во второй половине первого десятилетия XXI в. ужесточились бюджетные ограничения субъектов в огосударственном секторе экономики, так как государство стало требовать от предприятий оплачивать деньгами поставленные товары и услуги. Поэтому сфера действия зачетов, бартера и квазиденежных суррогатов стала сокращаться. Однако они не изжиты до конца и сохраняют в экономике Беларуси свою потенциальную генетическую основу. Имитационный рынок трансформационной экономики за 15 лет ее реформирования деформировал представления людей о векселях как денежных инструментах конкурентной рыночной экономики. Проанализируем сущность векселя и опыт использования квазиденежных суррогатов в белорусской экономике.

Вексель – это ценная бумага, являющаяся ничем *не обусловлен-*

ным (безусловным) обязательством векселедателя заплатить при наступлении срока платежа указанную в векселе денежную сумму по приказу векселедержателя. Простой вексель эмитируется заемщиком (векселедателем) и является обязательством платить по приказу кредитора (векселедержателя). Национальный банк, коммерческие банки и Правительство эмитируют в обращение простые векселя, которые являются финансовыми векселями. Простые товарные векселя с 1994 г. выпускались белорусскими предприятиями. Переводной вексель эмитируется кредитором и является требованием к должнику об оплате указанной в товарном векселе денежной суммы предъявителю. Юридические лица и предприниматели выпускают только товарные векселя, которые используются для оплаты за поставленный товар, выполненные работы, оказанные услуги, что должно подтверждаться соответствующими документами.

Вексель – это безусловное денежное обязательство эмитента строго установленной формы. Безусловность его оплаты необходима для денежного подтверждения платежеспособности субъектов, *ставших обязанными по векселю*. Все субъекты, эмитировавшие вексель, а также купившие его, т. е. поставившие на нем передаточную надпись (индоссамент), сделавшие акцепт векселя (согласие на платеж) или аваль векселя (поручительство платить за третье лицо), становятся обязанными по векселю. Если субъекты взяли на себя одно из этих вексельных обязательств, то они вынуждены нести *солидарную ответственность по векселю перед кредитором*. В рыночной экономике, после того как кредитор отдал приказ должнику платить по векселю, а должник не заплатил, применяется жесткая юридическая процедура востребования денежного долга. Векселедержатель имеет право взыскать денежный долг со всех лиц, обязанных по векселю, или с каждого в отдельности. При этом он не обязан соблюдать последовательность в цепочке поставленных индоссаментов, согласно которым эти лица обязались по векселю. В случае

неплатежа по векселю векселедержатель требует взыскания долгов с субъектов, обязанных по векселю, вне зависимости от очередности должников. После безуспешного предъявления векселя к оплате должнику он применяет нотариально заверенную процедуру *протеста векселя*. Это позволяет кредитору запустить упрощенную процедуру взыскания долга по векселю – приказное производство. Для этого векселедержатель осуществляет *процедуру регресса против всех обязанных субъектов по векселю*. При неплатеже должника по векселю кредитор имеет неограниченное право взыскать долг с любого из дебиторов в долговой цепочке.

Однако товарный вексель фирмы в конкурентной рыночной экономике – это совершенно не то, чем является товарный вексель в экономике Беларуси. Ключевым признаком имитационно рыночной экономики является необязательность дебитора оплачивать свой долг кредитору и институциональная неспособность последнего востребовать с дебитора оплату долга. В экономике Беларуси не действуют конкурентные механизмы рынка покупателя, которые бы принуждали дебиторов оплачивать кредиторам долги в безусловном порядке. Вследствие действия этих факторов неплатежи являются нормой. Государство поддерживает режим мягких бюджетных ограничений, в рамках которых действуют огосударственные предприятия, имея устойчивое отрицательное сальдо по расчетному счету. Они финансово недостаточны, имеют нулевую рентабельность или являются нерентабельными, «проедают» собственный капитал и заемные средства кредиторов. Многие из них «сидят в просрочке» по оплате своих обязательств. Государство стало требовать от предприятий выпуска товарных векселей, с помощью которых предполагалось «развязать» взаимные долги предприятий. В 1992–2004 гг. в экономике Беларуси просроченная кредиторская задолженность составляла 18–24% ВВП. Особенно тяжелым был 1995 г., когда государство большую часть

года удерживало валютный курс рубля на уровне 11 500 руб./долл., что обострило проблемы реализации продукции.

В 1994 г. началось принудительное оформление товарными векселями просроченной задолженности предприятий. 10 июня 1994 г. Совет Министров и Национальный банк Республики Беларусь приняли совместное постановление № 430/6 «Об обязательном оформлении векселями просроченной задолженности за поставленные товары и оказанные услуги» (далее – постановление № 430/6). Они же 2 августа 1995 г. приняли новое постановление «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 10 июня 1994 г. № 430/6 «Об обязательном оформлении векселями просроченной задолженности за поставленные товары и оказанные услуги». Предполагалось, что вексель поможет предприятиям «развязать» их взаимные просроченные неплатежи.

Постановление № 430/6 гласило: «В целях преодоления кризиса неплатежей, совершенствования системы расчетов ... установить, что кредиторская задолженность за поставленные товары и оказанные услуги, не погашенная в течение 20 дней, оформляется субъектами хозяйствования простыми векселями. Срок обращения этого векселя устанавливается от 5 до 120 дней с даты его составления. При оформлении указанной задолженности должны предусматриваться проценты за предоставленный коммерческий кредит в размере не ниже учетной ставки Национального банка. По истечении 15 дней в случае неполучения простого векселя от должника кредитор обязан выписать переводной вексель и передать его должнику для акцепта. Должник должен акцептовать вексель или заявить о неакцепте в течение 3 дней с момента предъявления векселя. При неполучении акцепта кредитор передает неакцептованный вексель нотариусу для протеста. В случае отказа субъектов хозяйствования от оформления просроченной задолженности векселями на виновную в этом сторону или виновные стороны (должника либо должника и кредитора) налагается штраф

в размере 5% суммы просроченной задолженности с зачислением его в доход республиканского бюджета» [5]. Решение о применении санкций было возложено на начальников государственных налоговых инспекций.

Постановление не было реализовано, так как векселя функциональны только в условиях жестких бюджетных ограничений. Предприятия госсектора, производящие 85% ВВП, действуют в системе мягких бюджетных ограничений, где вексель как рыночный инструмент не работает. Вексель – это денежный инструмент, выпускаемый вместо денег платежеспособным предприятием в силу его финансовой достаточности. Эмитируемый вексель может переуступаться как право требования на рынке в качестве денежного инструмента, если это выгодно субъектам. Векселедержатель проверяет платежеспособность субъектов, обязавшихся по векселю, которые платят деньгами. В противоположном случае неплатежеспособные предприятия создают вексельную имитацию. Заставить финансово недостаточные предприятия оформлять свою просроченную задолженность товарными векселями, по которым нет реализации товаров и нет денег на расчетном счете, – это абсурд.

Системные нарушения действия кредитных механизмов рынка создали кризис неплатежей в экономике Беларуси. Если нерентабельное огосударственное предприятие выпускает такой «простой вексель», то оно эмитирует *условное неденежное обязательство должника*, не имея возможностей его погасить. Ситуация не улучшается от того, что кредитор выпишет переводной вексель как *условное требование на безденежного должника*. В обоих случаях дебиторы платить не будут ввиду отсутствия конкурентного рыночного механизма и соответствующей инфраструктуры рынка, которые вынуждали бы их исполнять обязательства. Для дебиторов – это не безусловные денежные обязательства, а условные неденежные обязательства.

Чиновничий провал в 1994 г. привел к мысли о выпуске квазиденежных суррогатов, не претендующих на роль денежных

инструментов, так как они не могли переуступаться как права требования на рынке и погашаться за деньги. Квазиденежные суррогаты генетически не обладали свойствами *ликвидного переуступаемого на рынке денежного права требования* на погашение их деньгами. Государство придало им ограниченные функции пассивного средства зачета просроченных долгов. В определенном смысле они похожи на криптовалюту, которая как цифровой товар не эмитируется, не функционирует как деньги и не погашается за деньги, обладая низкой ликвидностью и высокой волатильностью. Зачетный товарный вексель как квазиденежный суррогат является условным зачетным неденежным обязательством в квазирыночных сделках. Криптовалюта не обладает даже условным характером обязательства, поэтому в обмене на другой товар она используется как средство бартерного обмена (Т-Т). Есть еще одно важное сходство между ними – это неуплата налогов в госбюджет и пенсионных взносов ввиду отсутствия денежного дохода. Кроме того, ни один из элементов расходов (заработная плата, амортизационный фонд, фонд накопления для покупки элементов основного и оборотного капитала) не может быть сформирован в деньгах. Криптовалюта и квазиденежные суррогаты – это классический тип неденег и необязательств.

В 1996–1998 гг. в экономике Беларуси выпускались простые товарные векселя предприятий, которые авалировались финансовыми органами облисполкомов и Минского горисполкома и которые страховала уполномоченная страховая компания РИП-АЧФА, работавшая с ними в тандеме. Эти субъекты выступали в качестве гарантов вексельной системы расчетов. При этом местные органы власти нарушали законодательство, так как в своем бюджете не создавали фондов для оплаты обязательств предприятий и страховой компании в случае их неплатежеспособности. Уполномоченная страховая компания (РИП-АЧФА) также не обладала страховыми фондами на случай необходимости оплаты долгов по возникающим

страховым случаям. Только административный надзор за построенными зачетными цепочками неплатежей, по которым формально «проводились» зачетные векселя, гарантировал незбылемость зачетных схем. В таких принудительных рамках об обращении зачетных векселей на рынке не могло быть и речи.

Органы власти принуждали предприятия к эмиссии товарных векселей для «расшивки» неплатежей при проведении программ региональных зачетов по неплатежам предприятий и погашения задолженности по налогам в местные бюджеты. Такой вексель был типичным квазиденежным суррогатом, так как выпущенного предприятием, авалированного региональными властями и застрахованного в уполномоченной ими страховой компании, его никто не был обязан погашать деньгами. Цитируем авторов вексельного эксперимента: «В процессе работы необходимо было переубедить всех участников обращения не требовать однозначно оплаты векселя деньгами» [6, с. 51]. По правилам эмиссии векселей *не допускалось предъявление их к учету за деньги*, что свидетельствовало об их неденежной сущности.

Низкая ликвидность на рынке такого векселя порождала широкий диапазон волатильности. Векселя выпускались для хождения вне рынка в рамках замкнутых зачетных схем, которые начинались с эмитентов, шли по цепочке дебиторов и завершали свое движение, когда последний должник в цепи погашал свой долг у того же эмитента. Одним из элементов схемы было поступление векселя в региональный бюджет для зачета налогов. Таким правом обладал любой участник вексельной схемы независимо от наличия у него недоимки по налоговым платежам в местные бюджеты. Финансовое управление исполкома оформляло при этом *налоговое освобождение по вексельным расчетам, которое являлось именной и не подлежало передаче другому предприятию*. Зачетные векселя выписывались предприятиями без учета их платежеспособности, поэтому не обладали денежной природой.

В отличие от адептов криптовалют никому из сторонников квазиденежных суррогатов и в голову не приходило требовать от государства придать им статус денег. Сторонники же криптовалют необоснованно претендуют даже в самоназвании (валюта) на выполнение функций национальных и международных денег при отсутствии минимального потенциала к реализации своего футуристического проекта.

Квазиденежные суррогаты являются активами с пониженным уровнем ликвидности, широким диапазоном волатильности и сомнительными свойствами условных обязательств, не «оборачиваемых» в деньги ввиду эксклюзивных условий их возникновения и функционирования. «Зачетные» векселя использовались по факту для «расшивки» неплатежей, замыкая движение *натурализированных (неденежных) условных обязательств* внутри выстроенных бартерных цепочек. Вексель мог «ходить» только по замкнутой цепи *натурализированных условных обязательств*, которые не были оплачены дебиторами в срок. В этой сфере не существовало кредитных отношений, так как они были вытеснены продукто-товарными отношениями, которые скрывали форму движения натуральной продукции. Векселями можно было погасить накопившиеся налоговые неплатежи, представляя их в бюджеты областных городов и города Минска. Однако при этом бюджеты не получали «живых» денег. Эксперимент показал, что большую часть зачетов налогов в бюджет сделали предприятия, которые до этого исправно платили налоги. Общая сумма выпущенных векселей в 1996 г. составила 187 млрд. руб., а размер «развязанных» неплатежей достиг 2,5 трлн. руб. Незначительной частью стоимости выпуска векселей была погашена задолженность по заработной плате (20 млрд. руб.), а также «развязаны» неплатежи с российскими и казахстанскими предприятиями (40 млрд. руб.) [6, с. 52].

Зачетные векселя свидетельствовали об уже совершившемся факте движения натуральной продукции, тем самым подтверж-

дая свой неденежный характер. Местными органами власти были созданы искусственные условия, которые исключали возможность исполнения предприятиями ограниченных вексельных обязательств деньгами. Для этого были нарушены стандартные правила выпуска векселей в обращение и юридические каноны вексельного права. Министерство финансов и Национальный банк страны были принципиально против продолжения этого эксперимента. В итоге их позиция повлияла на сроки проведения зачетного эксперимента, завершившегося в 1998 г. Однако вскоре сторонники «зачетных векселей» породили новый тип квазиденежных суррогатов (1999–2004), которые были реанимированы под названием «системные векселя», предназначенные для «расшивки» неплатежей, проводимых в рамках областных региональных программ. Зачеты взаимных требований с помощью «системных векселей» проводились в соответствии с решением комиссий облисполкома и Мингорисполкома при проставлении на векселе соответствующей отметки. Проведенные эксперименты противоречили целям формирования конкурентного рынка, так как не были направлены на реструктуризацию деятельности предприятий и не вели к их оздоровлению.

Нетрадиционное использование депозитных сертификатов банков и государственных облигаций

Банковский вексель – это кредитные деньги. Товарный вексель является необходимым условием создания кредитных денег банком при его учете на денежном рынке. Около полутора десятилетий суверенной истории экономики Беларуси проходили в условиях системы множественных курсов белорусского рубля. Субъекты валютного рынка использовали векселя в схемах легальной конвертации белорусских рублей в инвалюту. Государство, борясь с этим явлением, периодически вводило запрет на учет товарных векселей банками.

Депозитные сертификаты банков и государственные облигации

не являются деньгами. Они относятся к категории финансовых инструментов, производных от денег, т. е. по своим функциям и статусу находятся ниже уровня векселей и денег, не давая банку войти на товарный рынок с денежного рынка. Поддерживая функционирование системы множественных курсов белорусского рубля, государство вело активную борьбу с различными способами легальной конвертации белорусских рублей в инвалюту, что привело, например, к очередному введению ограничений с 8 ноября 1999 г. на использование векселей для конвертации рублей в инвалюту. Чтобы обойти эти запреты, субъекты валютного рынка начали использовать депозитные сертификаты банков и государственные облигации (ГКО и ГДО) в качестве финансовых инструментов вместо векселей для конвертации рублей в инвалюту.

С одной стороны, депозитные сертификаты банков и государственные облигации являются своеобразным обращающимся денежным вкладом субъекта сбережений на рынке, который можно переуступить за деньги. Эти ценные бумаги выполняют функцию накопления процентов на вложенную собственником сумму средств и используются в качестве инвестиционных инструментов на финансовом рынке. Они не являются деньгами, применяемыми для текущей оплаты товаров и услуг, а также не являются кредитными инструментами срочного товарно-денежного рынка. Не будучи кредитным инструментом банка, они не могли использоваться в двух первых функциях денег (мера ценности и средство обращения). Депозитные сертификаты банков и государственные облигации не имеют никакой связи с товарным рынком, не могут выполнять функции инструмента «смычки» денег с товарами, не связывают товарное обращение с денежным рынком. Не обладая способностью измерять ценность товаров, не имея расчетной функции векселя для осуществления текущего обмена на товары, не будучи средством отсроченного платежа на кредитном рынке, эти ценные бумаги имеют узкую сферу применения на денежном рынке. По

совокупности этих причин они не могут заменить векселя в легальных конверсионных операциях валютного рынка. Тем не менее, используя процедуру переуступки права требования за деньги как на внесенный инвестором вклад на депозитный сертификат банка и государственные облигации, их попытались «вставлять» вместо денег в товарные схемы, чтобы использовать для валютной конвертации.

Субъекты валютного рынка сделали попытку представить участникам рынка депозитные сертификаты банков и государственные облигации в качестве специфических заменителей денег. Однако замещение этими денежными инструментами, производными от денег, векселей в конверсионных схемах для оплаты товаров стало рассматриваться регулирующими органами государства в соответствии с нормами права как бартерная сделка. В функции «как бы денег» (инструмента, замещающего деньги) депозитные сертификаты и государственные облигации стали рассматриваться государством не как финансовые инструменты, а как специфические товары, обмениваемые на действительный товар. При дефиците денег у неплатежеспособных предприятий и использовании ими зачетов и бартера государство стало ограничивать возможности проведения бартерных сделок, введя налог на бартер. Поэтому сделки, в которых депозитные сертификаты и государственные облигации обменивались на товары, стали подпадать под обложение налогом на бартер.

Анализируя это явление, можно сделать вывод. Государство дало адекватный ответ попыткам представить депозитные сертификаты банков и государственные облигации в качестве денег, что подменяет их сущность производных от денег финансовых инструментов, когда некоторые субъекты экономики попытались придать не свойственный им статус и функции для ведения валютной конвертации. Депозитные сертификаты банков и государственные облигации – это товар, а сделка по обмену этих ценных бумаг, рассматриваемых как товары, на другие товары является

по своей сущности бартерной сделкой. Неадекватная попытка повышения статуса ценных бумаг до статуса денег обернулась адекватным понижением их статуса до товара, т. е. «неденег». На практике было доказано, что они не обладают функциями безусловного обязательства и требования банка, чем являются деньги.

Депозитный сертификат банка и государственные облигации не могут выполнять функций средства обращения. С их помощью нельзя оценивать полезный эффект товаров в производстве и потреблении. Ими нельзя выдавать кредит. С их помощью нельзя осуществлять кредитные функции денег, проводя срочные сделки с товарами и деньгами. Причиной этого является то, что они не выполняют функций денег – меры ценности, средства обращения и средства отсроченного платежа. Эти ценные бумаги не выполняют функций кредитных денег в экономике, так как они используются только в сфере проведения отдельных финансовых операций, не относящихся к товарным сделкам. Отличие денег от депозитных сертификатов банков и государственных облигаций состоит в том, что их функционирование требует наличия кредитных денег, с помощью которых банк отвечает по безусловным обязательствам, одновременно имея безусловное требование к контрагенту.

Содержательные характеристики квазиденежных суррогатов

Субъекты в первой функции денег (мера ценности) используют только наличные и безналичные деньги, а не квазиденежные суррогаты или производные от денег денежные инструменты (облигации, депозитные сертификаты). На денежном рынке квазиденежные суррогаты находятся в положении пассивного объекта измерения со стороны активного субъекта – денег, которые измеряют их ценность. Без наличия в экономическом отношении денег, которые противостоят квазиденежным суррогатам, последние являются только средством пониженной ликвидности. По своему статусу в экономике квазиденеж-

ные суррогаты находятся ниже статуса производных от денег денежных инструментов. Функции денег (мера ценности, средство обращения и отсроченного платежа) тесно связаны с их использованием в качестве средства сохранения ценности. Эта функция денег служит способом сбережения и накопления средств для совершения инвестиций, трансформации текущих денежных средств в срочные деньги, за что банк платит сберегателю процентную ставку, которая влияет на цены финансовых инструментов срочного денежного рынка. Банк выдает кредит из накопленных средств, совершая срочную сделку с заемщиком. Функцию средства сохранения ценности (в широком смысле) могут выполнять не только кредитные деньги, но и любые объекты собственности, на которые есть спрос на рынке. Однако товары как неденежные накопители ценности не могут выполнять все пять функций денег ввиду своей низкой ликвидности по сравнению с деньгами, которые обладают универсальной и совершенной ликвидностью.

Квазиденежные суррогаты нельзя класть на срочный депозит и снимать с него деньги при его закрытии. Некоторые из этих инструментов, имеющих бумажную или безбумажную форму, могут быть размещены в депозитарий на хранение. Квазиденежные суррогаты не могут быть инкассированы как наличные деньги. Их нельзя использовать в функции перевода безналичных денег по расчетным счетам. Они не превращаются в наличные деньги, а из наличных не переводятся в безналичные средства. Белорусские рубли не выполняют функций мировых денег по причине их ограниченной конвертируемости по текущим (при множественном курсе рубля) и капитальным операциям. Квазиденежные суррогаты эту функцию тем более выполнять не могут.

Квазиденежные суррогаты как пассивный объект, измеряемый с помощью денег на рынке, подпадают под особый порядок менового соизмерения и ценового сопоставления на рынке с помощью денег. Проводимый бухгалтерский учет квазиденежных суррогатов по условным ценам

ввиду их неденежной природы искажает финансовое состояние предприятий. В зачетных и бартерных отношениях с их участием возникает «бумажная» стоимость, которая не проходит проверку на подлинность при отсутствии рыночных сделок. Использование фирмами квазиденежных суррогатов в таких сделках не приносит субъектам денежной выручки, но зато при отрицательном финансовом результате позволяет неплатежеспособному предприятию легально уклоняться от налоговых платежей. Квазиденежные суррогаты не являются, как деньги, универсальным активом и обязательством, обладающим совершенной ликвидностью на рынке. Тогда же, когда они вступают в контакт с товарами на рынке, оказывается, что они не могут выполнять функций по универсальному обслуживанию оборота товарных ценностей, так как для этого нужны деньги. Только выполнение квазиденежными суррогатами всех функций денег на рынке позволяло бы констатировать эти инструменты как деньги с имманентными им функциями. Однако этого нет.

Квазиденежные суррогаты, будучи средством пониженной ликвидности, создаются государственными предприятиями под контролем государства, поэтому являются антиподом денег. Национальный банк, эмитирующий монопольные резервные деньги, и коммерческие банки, создающие деньги в порядке кредитования заемщиков посредством лицензируемых банковских операций, не создают квазиденежных суррогатов, которые не являются кредитными деньгами. Субъектами, создающими те инструменты, которые претендуют на пониженный статус квазиденежных суррогатов, являются неплатежеспособные субъекты, которым они необходимы для выживания и поддержания системы «бюрократического» рынка (термин Я. Корнаи). Деньги, с помощью которых оценивается неэффективность деятельности рыночных субъектов, им не нужны, им необходимы некачественные заменители денег. Помимо создания кредитных денег банки дают поручитель-

ства, гарантии, акцептуют и авалируют векселя, т. е. создают безусловные денежные обязательства и требования. Они не могут выпускать квазиденежные суррогаты, так как это означало бы существенное понижение статуса субъектов финансового посредничества, создающих кредитные деньги.

В монорезервной системе статусом фидуциарных денег, основанных на доверии к выпустившим их государственным институтам, обладают только резервные деньги центрального банка. Субъекты экономики доверяют кредитным деньгам, создаваемым коммерческими банками, потому что они включены в двухуровневую банковскую систему и обслуживают клиентов. Второй уровень банковской системы является необходимым следствием и естественным дополнением эмиссии резервных денег центральным банком. Субъекты кредитной экономики (банки и заемщики) создают добавленную ценность, а субъекты, использующие квазиденежные суррогаты, уже созданную добавленную ценность только перераспределяют.

В квазирыночной экономике эксперименты государства с *зачетными векселями предприятий* обречены на неудачу. С их помощью проблему неплатежей в низкомонетизированной экономике не разрешить, а тем более они не способствуют созданию добавленной ценности. Квазиденежные суррогаты не являются производными от денег финансовыми инструментами, они диаметрально отрицают деньги, так как являются инструментами натуральной экономики. Сам по себе отход от использования инструментов централизованного директивного конкретно адресного управления плановой экономики не привел к созданию рынка и ликвидации натурального хозяйства. Квазиденежные суррогаты диаметрально противоположны кредитным деньгам, отличаясь от них по фундаментальным признакам, так как они адекватны натуральной, а деньги – рыночной экономике. Поэтому квазиденежные суррогаты не поддаются регулированию со стороны Национального

банка, как кредитные деньги и производные от них денежные инструменты.

Квазиденежным инструментом противостоит рыночная система банковских гарантий и поручительств, требующих исполнения безусловных обязательств исключительно в денежной форме. Эта система денежных инструментов банков диаметрально противоположна квазиденежным суррогатам, которые являются инструментом зачетных и бартерных отношений, отрицают бытие кредитных денег. Система безусловных обязательств банков непосредственно вытекает из сущности денег. К ним относятся гарантии и поручительства, выдаваемые кредитором за дебитора, акцепт, аваль векселей, аккредитив, вексель. В рыночной экономике все они являются денежными обязательствами и имеют кредитный характер. Поэтому они должны быть в обязательном порядке обеспечены деньгами платежеспособных субъектов, их выпустивших. В отличие от квазиденежных суррогатов они являются потенциально кредитной операцией банка, которая актуализируется в случае неспособности дебитора погасить деньгами свои обязательства перед третьим лицом. Поэтому эти инструменты обслуживают денежные отношения на рынке, а не *бартерные и зачетные отношения субъектов натуральной экономики*. В случае же неспособности субъекта, создавшего денежные обязательства, они превращаются в обращающиеся на рынке необеспеченные обязательства. Переуступка права требования на активы приводит к тому, что обязательства будут исполнены купившими их на рынке субъектами. Конкуренция рыночная экономика тем и отличается от квазирыночной, что она ставит гарантийные и поручительские операции третьими лицами в основание разветвленной системы безусловных обязательств, которые платежеспособные субъекты погашают деньгами. Эта разновидность кредитных операций позволяет расширять возможности субъектов, которые ограничены размером собственного капитала. Они могут

расширить свои возможности, выходя за пределы собственных средств. Гарантии и поручительства позитивно воздействуют на динамику воспроизводства ВВП в кредитной экономике.

Российские квазиденежные инструменты

Проанализируем российские квазиденежные инструменты, которые вследствие открытости экономики России использовали субъекты экономики Беларуси. Министерство финансов России настойчиво искало различные способы финансирования дефицита госбюджета, которые могли бы удешевить систему обслуживания внутреннего государственного долга посредством использования государственных облигаций. Вместе с тем перманентный кризис неплатежей вынуждал правительство искать способы его «развязывания». Министерство финансов России в конце 1994 г. выпустило казначейские обязательства (КО), представлявшие собой государственные ценные бумаги с фиксированной доходностью в 40% годовых при инфляции 215% в год. Эмиссия КО проводилась в электронной форме в виде записей на счетах депо, учитываемых в депозитариях уполномоченных банков. КО выпускались в целях «развязывания» взаимных неплатежей предприятий в определенных отраслях экономики через обязательное прохождение ими 3–5 индоссаментов. Предприятия с помощью этих ценных бумаг могли рассчитываться по номиналу обязательств с поставщиками продукции, погашать федеральные налоги в бюджет в безусловном порядке, по ставке номинала плюс накопленный процентный доход или хранили их до погашения [7, с. 28]. КО являлись классическим квазиденежным суррогатом, провоцирующим скрытую инфляцию. С их помощью проводился денежный зачет налоговых обязательств субъектами налогообложения на величину стоимости КО, что означало неисполнение доходной части бюджета деньгами. Этот квазиденежный инструмент не решал принципиально никаких проблем, которые на-

копились в народном хозяйстве России. В итоге под давлением МВФ Минфин в январе 1996 г. прекратил их эмиссию.

Министерством финансов России с 17 августа 1995 г. выпускались векселя для восстановления коммерческими банками кредитных ресурсов взамен погашенных с их корреспондентских счетов централизованных кредитов и процентов по ним Центральному банку России без уплаты средств заемщиков. Кроме того, Министерство финансов России проводило гарантийные операции под вексельные кредиты, выдаваемые российскими банками получателям бюджетных средств. Возврат и обслуживание вексельных кредитов проводило Министерство финансов. Векселя использовались предприятиями для расчетов между субъектами хозяйствования ввиду отсутствия у них денег, они продавались и покупались на вторичном рынке с дисконтом. Банки были заинтересованы выдавать кредиты под залог векселей даже под очень низкие ставки (7–20%), так как эта операция под правительственные гарантии не требовала у них отвлечения денег. Тверь-универсалбанк выпускал векселя для сокращения взаимной задолженности предприятий, стремясь заработать на «расшивке» неплатежей, выдавая дешевые вексельные кредиты. Однако вексельные операции увеличивали обязательства банков и при росте их объемов вели к возрастанию рисков банков. Взяв на себя основную груз обязательств по обслуживанию эмиссии вексельных кредитов, Министерство финансов создало условия для снижения уровня рисков по векселям банков высшей категории надежности практически до уровня рисков рынка ГКО [7, с. 27–28]. Однако гарантийные вексельные операции вели к росту обязательств правительства, которое их брало на себя, гарантируя риски банков, что усугубляло проблему финансирования бюджетного дефицита государства. В условиях растущего государственного долга эти операции были свернуты как неперспективные для национальной экономики и не решающие проблем создания конкурентной рыночной экономики.

Выводы

Вся мощь государственных институтов и интересы неплатежеспособных огосударственных предприятий были направлены на то, чтобы решить проблему хронических неплатежей за счет использования квазиденежных инструментов, которые отрицают кредитные деньги и налоги. С помощью искусственно введенных правил использования рыночных инструментов их природа оказалась деформированной. В этом совпадали интересы государства и неплатежеспособных огосударственных предприятий. Однако из деформированных рыночных инструментов квазирыночной экономики получились не деньги, а их низкосортные заменители, которыми нельзя платить налоги, зарплату и

осуществлять все виды денежных платежей. Более того, они стали подчинять своим интересам банковскую и финансово-бюджетную системы, активно вытесняя деньги из обращения. Ирония истории заключается в том, что в итоге деформированные рыночные инструменты само же государство стало воспринимать как разновидность товара, признав, что сделки, в которые их искусственно «вставляют», являются бартерными по своей сущности.

Эта история должна послужить уроком для криптоэнтузиастов, ставящих перед собой глобальные цели по ликвидации кредитных денег банковской системы и налогообложения. Даже находясь под патронажем государства, неплатежеспособные предприятия, использующие квазиденежные сур-

рогаты в борьбе с неплатежами, не смогли достичь конструктивных результатов. Получилась системная деструкция. Криптовалюты и квазиденежные суррогаты как антиподы денег «убивают» деньги и налоги, деформируя фундаментальные основы рыночной экономики. В этом состоит их единая природа, ведущая к деградации кредитного рынка до примитивных бартерных отношений. Стоит ли начинать новую криптовалютную песню на старый бессмысленный лад квазиденежных суррогатов, да к тому же поставив цель уничтожить кредитные деньги и налоги как основы экономической системы? Итог этих новаций очевиден уже сейчас.

* * *

*Материал поступил 07.08.2019.***Библиографический список:**

1. Экономические тенденции в Беларуси // *Квартальное обозрение ТАСИС*. – Минск: ТАСИС, 2000, январь – март. – 150 с.
2. О важнейших тенденциях в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь 1998 г. – Минск: Национальный банк Республики Беларусь, 1999. – 164 с.
3. Гриб, Н. Беларусь согласовала долг / Н. Гриб // *Белорусская газета*. – 1999. – 26 июля. – С. 2.
4. Исаева, Е.Б. Проблема неплатежей и денежно-кредитная политика / Е.Б. Исаева // *Деньги и кредит*. – 1995. – № 7. – С. 57–67.
5. Об обязательном оформлении векселями просроченной задолженности за поставленные товары и оказанные услуги [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Национального банка Респ. Беларусь, 10 июня 1994 г., № 430/6 // *Белзакон. NET*. – Режим доступа: belzakon.net/Законодательство/Совместные_постановления/1994/94824. – Дата доступа: 07.06.2018.
6. Полоник, С.С. Рекомендации по использованию финансовых инструментов в преодолении платежного кризиса в Республике Беларусь / С.С. Полоник, Г.В. Бочкова, А.Ф. Галов и др. – Минск: НИЭИ Мин-ва эконом. Респ. Беларусь, 1997. – 77 с.
7. Ивантер, А. Зачетная экономика рождает чудовищ / А. Ивантер // *Эксперт*. – 1996. – № 49. – С. 27–30.

Quasi-money Surrogates in the Belarusian Economy and Cryptocurrency

Vladimir USOSKY, Doctor of Economics, Professor, Economic Sciences Department, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: usosky@tut.by.

Abstract. *The article under review presents competitive analysis of cryptocurrencies and quasi-money surrogates that were used in the Belarusian economy in 1992-2005 by insolvent enterprises for the purpose of solving the problem with non-payments, which were actively supported by government. Quasi-money surrogates and cryptocurrencies are not credit money (unconditional financial liabilities and banks' claims), therefore they lead to destructive deformation of the banking system and fiscal system of a state, as well as transformation of the well-developed monetary market into the primitive barter condition.*

Keywords: *quasi-money surrogates; cryptocurrency; credit money; bank system; fiscal system of a state; financial instruments being money derivatives.*